

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

А.А. Бронзов

**Друг или враг
Христов - Толстой**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1912. № 3. С. 330-349.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Другъ или врагъ Христовъ—Толстой?

ВОПРОСЪ имѣть въ виду яснополянскаго графа, такъ много нашумѣвшаго при жизни и даже по смерти...

Я всегда слѣдилъ за каждымъ, появлявшимся въ свѣтѣ, его сочиненіемъ. Нерѣдко и откликался на его новые взглѣды, на его своеобразное ученіе. Написалъ нѣсколько статей, между прочимъ, и по поводу годовщины, исполнившейся по смерти графа. Эти статьи вызвали въ почитателяхъ Толстого взрывъ негодованія и самой откровенной злобы къ автору. Какихъ только писемъ я не получилъ отъ толстофиловъ? Оставляя въ сторонѣ обычный неумный вздоръ этихъ моихъ корреспондентовъ, я невольно обратилъ свое вниманіе на одинъ тезисъ, всѣми ими проповѣдуемый и отстаиваемый съ рѣдкою энергию, съ удивительной настойчивостью. Игнорировать этотъ тезисъ не желалъ бы, тѣмъ болѣе, что гг. корреспонденты требуютъ, буквально—*требуютъ*, чтобы я или согласился съ ними, при томъ, во-всеуслышаніе, гласно..., или доказалъ бы ихъ неправоту, пользуясь *исключительно лишь собственными произведениями Толстого* и не прибѣгая къ чимъ бы то ни было изслѣдованіямъ о немъ, хотя бы и самымъ авторитетнымъ.

Охотно исполняю ихъ требованіе, какъ готовъ откликнуться и на всякое другое подобное же..., еслибы вздумали съ нимъ обратиться ко мнѣ мои достопочтенные читатѣли.

Тезисъ почитателей Толстого, вызвавшій появленіе настоящихъ строкъ, можетъ быть кратко выраженъ такъ:

Графъ Л. Толстой—другъ Христа, истинный христіанинъ, а не антихристъ какой-либо, не врагъ Господа нашего... и, сльдовательно, ни-мало не заслуживалъ отлученія

отъ православной христіанской Церкви, какое ему пришлось испытать и какое произвело неизреченный, молъ, сознаніе во всѣхъ русскихъ, да и не въ нихъ только однихъ... Ею слѣдовало и похоронить-де по-христіански...

Спрашивается: состоятеленъ ли этотъ тезисъ, или нѣть?

Отвѣчаю, ни мало не колеблясь: *совершенно не-состоятеленъ, всецѣло ошибоченъ...* Такой свой отвѣтъ подкрѣплю ссылкой на сочиненія самого графа и только на нихъ...

Всякое общество, какого бы рода оно ни было, можетъ существовать только при томъ условіи, если члены, его составляющіе, будутъ выполнять его уставъ, останутся вѣрными тѣмъ принципамъ, какіе даютъ обществу смыслъ, опредѣляютъ отличительный его характеръ... Иначе общество распадется. Если каждый станетъ поступать по своему личному усмотрѣнію и произволу, не считаясь съ устоями общества, съ его основами, то получится совершенная анархія,—о какомъ-либо порядкѣ думать не придется,—о какой-либо цѣльной организації, о какой-либо согласной дѣятельности отдѣльныхъ членовъ и пр. говорить будетъ безусловно нельзя. Всякій членъ, попирающій и отвергающій уставы общества, уже чрезъ то самое заявляетъ дѣломъ, поведеніемъ своимъ, что болѣе не состоить частью данной организації, вышелъ изъ нея... И если прочие члены, остающіеся вѣрными принципамъ общества, гласно скажутъ, что онъ—болѣе не принадлежить къ послѣднему, то они ничего новаго, ничего особеннаго въ сущности не выразятъ, а лишь только констатируютъ то, что уже произошло и, при томъ, исключительно по доброй волѣ даннаго лица.

Православная Христова «Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ Православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и Таинствами» (см. «Пространный Христіанскій Катихизисъ Православной Каѳолической Церкви»..., «одобренный Святѣйшимъ Правителъствующимъ Синодомъ»...; начало главы «о девятомъ членѣ» символа вѣры).

Всѣ, кто—вѣренъ ея уставамъ,—и являются членами Церкви. Всѣ, кто этихъ уставовъ не признаетъ, уже сами eo ipso считаютъ себя не принадлежащими къ тѣлу Церкви, къ этому «обществу»,—какъ люди самочинные, съ ученіемъ церковнымъ не считающіеся. Въ выдающихся случаяхъ Церковь и констатируетъ это обстоятельство, въ другихъ терпѣливо и милостиво

снисходя къ заблуждающимся и ожидая ихъ покаянія, обращенія... Именно—когда это упорное заблужденіе является безнадежнымъ и—мало того—слишкомъ опаснымъ для другихъ лицъ, еще остающихся членами Церкви и соблазняющіхся безчиніемъ отступниковъ,—въ этихъ случаяхъ, разумѣется, Церковь и не можетъ поступить иначе, какъ немедленно же оповѣстить о заблуждающемся всѣхъ ея вѣрныхъ членовъ,—не можетъ..., такъ какъ въ противномъ случаѣ она не стояла бы на высотѣ своего положенія, не думала бы о своей пользѣ...

Во что же Церковь вѣруетъ и во что, слѣдовательно, должна вѣровать и каждый ея членъ, не желающій съ нею порыватъ?

Отвѣтъ данъ въ «символѣ вѣры», извѣстномъ подъ именемъ «никео-цареградскаго».

Въ частности, 1) каждый изъ нихъ долженъ вѣровать въ Бога—«единаго» по существу и Троичнаго въ Лицахъ,—2) въ Бога—«Творца» міра вообще и человѣка въ частности,—3) въ «Сына Божія»—2-е Лицо Пресвятой Троицы, «воплотившагося», «страдавшаго» за грѣшное человѣчество, вкусившаго крестную смерть, «воскресшаго», вознесшагося «на небеса», «сѣдящаго» тамъ «одесную Отца» и имѣющаго прийти на землю для «суда» надъ «живыми» и «мертвыми»,—4) въ «Духа Святаго»—3-е Лицо Пресвятой Троицы—«глаголавшаго» чрезъ пророковъ...,—5) во «Святую Церковь» и ея ученіе,—6) во святыя таинства,—7) въ «воскресеніе мертвыхъ» и въ «жизнь» вѣчную.

Теперь и посмотримъ: какъ и во что вѣровалъ Л. Толстой? Вѣровалъ ли онъ въ то, во что вѣровать требуется отъ всякаго члена Христовой Церкви, или нѣтъ?

Не вѣровалъ.

Въ своемъ «*Письмѣ къ NN*» (Genève, 1890; 2-е издан. *M. Elpidine*) ясонополянскій графъ горделиво и откровенно заявляетъ, что «Никейскій соборъ надѣлалъ столько зла»... (стр. 4), разумѣется, своимъ символомъ вѣры... Отсюда уже заранѣе ясно, какъ Толстой относится къ вышенамѣченнымъ главнымъ пунктамъ этого символа. Ясно, что отношеніе его можетъ быть только одно: отрицательное, хулительное... «Признанныя всѣми основы» христіанской «религіи, установленныя никейскимъ символомъ»,—цинично говорить этотъ прославленный хулитель,—«такъ нелѣпы и безнравственны, дове-

дены до такого противорѣчія здравому человѣческому чувству и разуму, что люди не могутъ» будто бы «вѣрить въ нихъ». «Люди», молъ, «устами могутъ повторять извѣстныя слова, но не могутъ вѣрить въ то, что не имѣеть»—де «смысла»... (чит. Толстого: *Что такое религія и въ чемъ ея сущность?*) Изд. «Свободнаго Слова», № 75. A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England, 1902. Стран. 19—20). Не видно ли отсюда уже, какимъ членомъ Церкви является яснополянскій мудрецъ, съ такою «сыновнею» (!!) любовію и съ такою «почтительностію» (!) и «кротостью» (!) относящійся къ «никейскому символу»?.. Да,—это всѣмъ достаточно видно, кроме развѣ слѣпыхъ его—графа—почитателей, которые, не имѣя понятія ни о дѣйствительномъ графскомъ ученіи, ни тѣмъ болѣе объ ученіи Церкви, съ развязностію утверждаютъ, что Толстой—истинный—де христіанинъ и «отлученія» отъ Церкви не заслуживалъ. И мы—де такие же христіане,—съ откровенностью заявляютъ они..., съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ, не мѣшай въ то же время имъ быть и такими же, какъ Толстой, филологами, разсуждающими «объ употребленіи ut въ условныхъ» (?!) «предложеніяхъ» (Толстого: *Крейцерова соната съ Послѣсловіемъ*). По исправленной рукописи изд. M. K. Эллидина; Genève, 1890; стр. 19) и изучающими христіанскую догматику при помощи руководствъ по «литургикамъ и гомилетикамъ» (см. графскую *Критику Догматического Богословія*), представляющимъ графу чѣмъ-то въ родѣ «жупеловъ»... «Вѣра, которую исповѣдуетъ наша іерархія», говоритъ Толстой, «есть не только ложь, но и безнравственный обманъ. Въ православномъ вѣроученіи» будто бы имѣются, по графскому заявлению, «самыя непонятныя, кощунственныя и безнравственные положенія, не только не допускаемыя разумомъ, но совершенно непостижимыя и противныя нравственности» (Толстого: *Изложение Евангелия съ примѣчаніями*... Издан. «Свободнаго Слова», № 61. A. Tchertkoff; Christchurch, Hants, England. 1901. Стр. 105). Хорошъ, однако, христіанинъ! Впрочемъ, всѣ его эти и другія заявленія обычно остаются лишь простою клеветою, какъ ничѣмъ не подтверждаемыя и не доказываемыя, такъ какъ едва ли для кого окажется достаточнымъ однихъ голыхъ графскихъ ругательствъ и едва ли кто не потребуетъ въ данномъ случаѣ чего-либо болѣе убѣдительнаго? А этого-то послѣдняго Толстой и не собирается давать... ни здѣсь, ни послѣ.

Послѣ этой общей характеристики взглядовъ Толстого на вѣру Церкви, на ея значимость и цѣнность... въ его—графскихъ—глазахъ перейдемъ къ частностямъ.

1) По вопросу о Богѣ Толстой всецѣло расходится съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ.

Троичности «Лицъ» въ Богѣ онъ уже по тому не можетъ признать, что считаетъ Бога Существомъ безличнымъ: «я даже знаю» (откуда?) «навѣрное»,—говорить графъ,—«что Онъ»—Богъ—«не личень» (Толстого: «Мысли о Богѣ». Изд. «Своб. Слова»; № 40. A. Tchertkoff. Purleigh, Maldon, Essex, England. 1900; стр. 13). Эту мысль графъ ясно и приковенно, прямо и косвенно проводить во многихъ мѣстахъ своихъ печальныхъ произведеній «религіозно-философскихъ» (называемыхъ такъ обычно лишь по одному, впрочемъ, недоразумѣнію) (сравн., напр., ibid., стр. 27. Чит. Толстого: «Понятіе о Богѣ искромѣлькихъ лицъ, одинаково понимающихъ учение Христа»; Genève,—M. Elpidine... 1889. Чит. также цитов. выше «Излож. Ев.», стр. 1 и мног. друг.). Пантегистическое міровоззрѣніе Толстого вообще общеизвѣстно и никѣмъ не отрицаются, да и не можетъ, конечно, отрицаться,—но цѣна ему (въ глазахъ тейстовъ)—меньше ломанаго гроша...

Естественно, посему, что Толстой не только самъ не признаетъ «Троичности»..., но, судя о другихъ по себѣ, увѣренъ, что не признаютъ ея будто-бы и прочие. Такъ, въ своемъ «Обращеніи къ духовенству» (изд. «Своб. Слова», № 81. A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England. 1903) Толстой утверждаетъ: «вы вѣрите, что надо говорить, что вы вѣрите въ это», т. е., что «Богъ есть Троица», «но не вѣрите, что было то, что вы говорите. Не вѣрите вы, потому что утвержденіе, что Богъ одинъ и три..., не имѣть для васъ никакого смысла. Можно», моль. «произносить слова, не имѣющія смысла, но нельзя вѣрить въ то, что не имѣть смысла»... «Нельзя вѣрить въ то, что Богъ въ одно и тоже время—и одинъ, и три»... (стр. 40). Къ этимъ положеніемъ графъ возвращается не-разъ (ib., стр. 43...). Догматъ о «Троичности» Лицъ Божества его въ высшей степени смущаетъ. Ученіе Церкви объ этомъ, по его словамъ, «не можетъ вмѣститься въ здоровую голову» (чит. Толстого «Соединеніе и переводъ четырехъ Евангелій»; изд. М. К. Элпидина; т. I; Genève, 1892; стр. 6—7). «Богъ 1 и 3..., чего я», говоритъ Толстой, «не могу принять, пока я не сошелъ съ ума» («Полное Собрание сочиненій графа

Толстого, вышедшихъ за границей. Изд. Е. В. Герцика; СПБ. 1906 г.; т. I. «Исповѣдь». «Вступление къ критикѣ догматического богословія и изслѣдованію христіанскаго ученія»; стр. 29—30). «Въ головѣ, въ которую вбитъ клинъ Троицы»....—говорить графъ,—«не можетъ уже удержаться никакое разумное.... жизнепониманіе» (*Обращ. къ духов.*», стр. 32; ср. стр. 36). «Что можетъ быть безсмыслицѣ того»,—спрашиваетъ Толстой,—«что Богъ одинъ и три, и не три бога, какъ Брама, Вишну и Шива, а одинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ три» (*Что такое религ.*..., стр. 19.)? Это-де «не представляеть никакого смысла»... (стр. 20)...

Взглядъ Толстого на данный пунктъ христіанского ученія, такимъ образомъ, вполнѣ ясенъ, и сомнѣній на его счетъ здѣсь не остается рѣшительно никакихъ. Не способный возвыситься до христіанского ученія,—безусловно отождествившій непонятую имъ, притомъ, *Догматику* митроп. Макарія съ христіанскою догматикою самою по себѣ,—искавшій выясненія догматическихъ вопросовъ въ *Литургикахъ* и *Гомилетикахъ* и чуть ли не въ латинской Грамматикѣ... и потому естественно сбившійся съ толку графъ имѣль еще дерзость,—какъ мы видѣли выше,—приписывать другимъ, напр., *«духовенству»*, то, въ чёмъ послѣднее безусловно не повинно никакъ, и что составляло собственность только больной графской головы и другихъ, ей подобныхъ! Этимъ графъ грѣшилъ вообще не мало. Не отстаютъ отъ него и его неразумные послѣдователи... Но, впрочемъ, наша рѣчь здѣсь не о томъ. Наша задача имѣеть въ виду *лишь констатировать* дѣйствительные взгляды Толстого по существеннѣйшимъ христіанскимъ вопросамъ, чтобы затѣмъ мы могли документально отвѣтить на вопросъ, поставленный въ надписаніи нашей статьи... ¹⁾

¹⁾ А если кто интересуется подробнымъ раскрытиемъ и обоснованіемъ христіанскихъ догматовъ (: о Богѣ единомъ по существу и Троичномъ въ Лицахъ, о Лицѣ Иисуса Христа, о Св. Духѣ,—о Церкви и таинствахъ,—о воскресеніи мертвыхъ и будущей жизни,—о Богѣ—Творцѣ, Промыслителѣ, Судіи и Мздовоздаятелѣ и т. д.),—раскрытиемъ и обоснованіемъ,—повторяемъ,—не входящимъ въ задачу нашей настоящей статьи,—того можемъ отослать къ капитальнымъ трудамъ: о. Н. П. Малиновскаго (*Православное Догматическое Богословіе*: т. I, изд. 2-е, Серг. Пос. 1910 г.: *«Введение. Ученіе о Богѣ единомъ въ существѣ и троичномъ въ Лицахъ»*. Т. 2-й, Ставроп. губерн. 1903 г.: *«Ученіе о Богѣ—Творцу и Промыслителю мира. Предустроеніе Богомъ человѣческаго спасенія»*. Т. 3-й, Серг.

2) Библейское учение о Боге, какъ «Творце» міра и человѣка, Толстой, въ свою очередь, отвергаетъ, какъ не вяжущееся съ его нелѣпымъ пантеистическимъ міропониманіемъ.

И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, онъ не ограничивается обычно однимъ отрицаніемъ откровенной точки зрѣнія, но еще пытается глумиться надъ иначе мыслящими и приписываетъ имъ свои собственныя выдумки, ими ни-мало не раздѣляемыя...

По адресу духовенства (см. Толстого «Обращ. къ духов.»), графъ,—послѣ глумлений надъ «священной исторіей», надъ ея будто бы «ставшими въ противорѣчіе съ знаніемъ и пониманіемъ людей безнравственными» (?!) «рассказами», надъ «архангельскими» (?) «положеніями никейского символа»... (стр. 45),—заявляетъ съ обычной для него категоричностью: «ни одинъ»—де «свѣжий... образованный человѣкъ, не воспитанный въ дѣтствѣ въ вашей вѣрѣ, не только не повѣритъ вамъ, но или застанется, или приметъ васъ за душевно-больного» (вотъ даже до чего зарапортовался яспополянскій циникъ—ругатель!), «услышавъ ваши разсказы о началѣ міра»... (стр. 46)... Не наоборотъ ли, графъ? Не Васъ ли всякий здраво судящій человѣкъ скорѣе всего приметъ за сумасшедшаго, услышавъ, какъ Вы, не желая потрудиться понять откровенное учение о міротвореніи, произносите надъ нимъ столь дикій и во-истину безумный приговоръ? Не Васъ-ли, голословно утверждающаго, что будто бы «отецъ или учитель» ребенка, обращающагося къ старшимъ съ вопросами,—всякій разъ, вопреки своемъ внутреннему убѣждению («въ глубинѣ души признаетъ не истиннымъ»), «говорить..., что Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней»... (Толстого «Христіанское учение»; изд. Вл. Черткова, № 10. Purleigh, Essex, England. 1898. Стр. 68)? И кто Васъ такъ тщательно познакомилъ съ убѣжденіями другихъ, измѣряемыми Вами

Пос. 1909 г.: «О Богѣ—Искупителѣ и Освятителѣ. О благодати Божией. О Церкви Христовой». Т. 4-й, Серг. Пос., 1909 г.: «О таинствахъ Церкви. О послѣднихъ судьбахъ міра и человѣка»),—о. П. Я. Свѣтлова проф. («Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи»; т. 1, Киевъ, 1910 г.; т. 2,—1911 г.; см. и другіе многочисленн. его труды)... Тотъ и другой авторы указываютъ обильнѣйшую литературу предметовъ и принимаютъ во вниманіе современное состояніе богословской науки,—пишутъ во всеоружіи научныхъ данныхъ... Слѣдуетъ читать также о. проф. Т. Н. Буткевича „Жизнь Господа нашего Иисуса Христа“... 2-е изд. Спб. 1887 г.

только на Вашъ собственный фальшивый аршинъ? Разъ Вашъ извращенный умъ не можетъ вмѣстить библейского ученія о «створеніи изъ ничего міра 6000» (?) «лѣть тому назадъ» (и еще вѣры въ «Троицу», о Которой Т. миллионъ разъ говорить кстати и не кстати,—такъ Она его беспокоитъ!)..., Вы уже и спѣшите со своимъ обычнымъ и всѣмъ надоѣвшимъ заявленіемъ, что этого не можетъ вмѣстить будто бы и никакой другой умъ,—иначе-де для «человѣка требованія разума» будутъ «уже не обязательны», «и такой человѣкъ не можетъ быть увѣреннымъ ни въ какой истинѣ»... (*Толстого «Обращ. къ духов.»*, стр. 31—32). Но почему именно «не можетъ вмѣстить» библейского ученія ничей умъ...,—на этотъ вопросъ (и на подобные ему) графъ обычно молчитъ или... пробуетъ отдѣльваться ругательствами, къ какимъ онъ такъ привыкъ и какія, конечно, никого убѣдить не могутъ. Пріемы графа всюду одинаковы... «Не говоря уже о всѣхъ нелѣпостяхъ ветхаго завѣта въ родѣ створенія свѣта прежде солнца, створенія міра 6000 лѣть тому назадъ»... (*Толстого «Что такое религія?»*..., 18—19),—заявляетъ, напр., онъ, ни-мало не считаясь съ давно уже разъясненною (хотя-бы еще митроп. Филаретомъ и мн. друг.) возможностью «створенія свѣта прежде солнца»...,— затвердивши—механически неправильно списанную имъ цифру «6000» и пр.,—ни мало не пытаясь доказать наличности «нелѣпостей» и предполагая, вѣроятно, что всѣ повѣрять ему на-слово (ну, какъ-же иначе?)...

И такъ, что Богъ—«личенъ», что Онъ—«Троиченъ въ Личахъ», что Онъ—«Творецъ» міра...,—все это не умѣщается въ «разумной» головѣ ясонополянского графа. Послѣдній, впрочемъ, не признаетъ и самаго существованія невидимаго міра (не имѣя возможности, даже и при его безпримѣрной развязности, отрицать «видимый»)...

Толстой возмущается проповѣдью «массѣ»—«вѣры въ чертей»... (*«Обращ. къ духов.»*, стр. 34), въ «дьявола» (стр. 30)... «Дьяволы и ангелы»,—говорить онъ,—это—«чего я не могу принять, пока я не сошелъ съ ума» (цит. т. I *«Полн. Собр. соч. Т.»*, изд. Герцика, стр. 29—30)... Разъ нѣть ни ангеловъ, ни дьявола,—не можетъ быть, посему, ни «пѣнія» первыхъ «съ неба», ни какихъ-либо «разговоровъ» съ послѣднимъ (*«Обращ. къ духов.»*, стр. 30),—не можетъ быть, разумѣется, и какого-либо творенія ни однихъ, ни другого. Иного рода свидѣтельства слова Божія, ясныя и непрекаемыя, безконечно

многочисленныя, не укладываются въ головѣ графа, «пока»—де онъ еще «не сошелъ съ ума»... Не замѣчаетъ онъ здѣсь лишь одного,—что уже давно, видимо, онъ успѣлъ «сойти съ ума», вслѣдствіе чего и стала дарить обществу свои безсмысленныя религіозно-философскія бредни—одиѣ за другими, выдавая ихъ хвастливо за истину, за открытия... А тѣ, кто ума еще не потеряли и кто, посему, еще могутъ понимать то, что читаютъ, обычно держатся другихъ взглядовъ на вещи при чтеніи Библіи...

3) Относительно Іисуса Христа Толстой, со свойственною ему циничною развязностью, утверждаетъ, что Господь вовсе не «2-е Лицо», что Онъ не «творилъ міра» и не «сходилъ на землю» и пр. (Толстого «Христ. уч.», стр. 68). Въ виду вышеотмѣченныхъ особенностей графскаго міровоззрѣнія, отрицающаго «личнаго» и «Троичнаго» Бога, конечно, все это и понятно, но какъ далеко отъ христіанскаго ученія и, следовательно, отъ истины,—уже—другой, разумѣется, вопросъ...

Господь нашъ, по Толстому, не Богъ, а простой человѣкъ (ibid., стр. 77) (ср. «Излож. Евангелія», стр. 119 и др.), хотя-де «отъ мысли» о божественной Его природѣ и досель еще «не могутъ отдѣлаться миллиарды людей умныхъ и глупыхъ, ученыхъ и безграмотныхъ»... (ibid., стр. 119).

А такъ какъ воплощеніе Сына Божія и вся земная жизнь Богочеловѣка представляли собою сплошное доказательство противоположной графскимъ утвержденіямъ истины, по крайней мѣрѣ, для людей, еще не потерявшихъ способности разбираться въ видимомъ и слышимомъ..., то русскій антихристъ изъ Ясной Поляны, чтобы отстоять свою, противорѣчившую дѣйствительнымъ фактамъ, точку зрѣнія, раздѣливается съ этими фактами безъ церемоніи, при помощи своихъ антинаучныхъ пріемовъ, безъ разсужденій все отрицающихъ, что хоть сколько-нибудь не отвѣчаетъ сектантскому толстовству.

Отсюда рожденіе Іисуса Христа въ представленіи графа вовсе не было «совершенно святымъ и чуждымъ грѣха» (см. «Катехиз.»—о «3-мъ членѣ»), а явилось самымъ обыкновеннымъ лишь: человѣкъ, считающій для себя «обязательными требованія разума», не можетъ-де думать иначе (Толстого «Обращ. къ духов.», стр. 31, 32..., 43). Посему и молиться «Богородицѣ», какъ высшему какому-то будто бы существу, странно: это-де дѣло такого же «страшнаго обмана», какъ и молитва «Богу, Христу, Буддѣ, Магомету»... (Толст. «Христ.

уч.», стр. 77)... Этот христіанинъ, объ «отлучені» коего отъ православной Церкви, какъ будто бы самомъ несправедливомъ, столь плачутся толстовцы,—поставилъ,—какъ видите,—на одну линію съ Іисусомъ Христомъ и Будду, и Магомета! Хорошъ христіанинъ,—нечего сказать!.. Но еще хуже, пожалуй (если только можно придумать что-нибудь худшее толстовскихъ бредней), сами пресловутые плакальщики! Отчего бы имъ кстати не заплакать и по поводу отверженія Богомъ Люцифера?..¹⁾ Вѣрный себѣ хулитель и ругатель и здѣсь не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи поглумиться: «что можетъ быть безсмыслицѣ того, что Богородица—и мать, и дѣва»... (*Толст.* «Что такое религія»..., стр. 19)..., спрашиваетъ Толстой, не желая считаться съ разъясненіями со стороны христіанской Догматики...

Разъ рождество Спасителя, по Толстому, явленіе—самое обыкновенное,—понятно, отсюда, что графъ съ усмѣшкой (за неимѣніемъ другихъ доказательствъ) относится и ко всѣмъ чудеснымъ, сопровождавшимъ этотъ безпримѣрный въ исторіи міра фактъ, обстоятельствамъ: «хожденіе звѣзды, пѣніе съ неба»... имъ отвергаются безъ всякихъ разговоровъ, при чемъ прославленный лжецъ на христіанство—графъ этотъ не прочь сочинить, что будто бы Церковь принижаетъ христіанское «нравственное ученіе», «нагорную проповѣдь»... предъ «согласованіемъ Евангелія съ исторіей ветхаго завѣта» и т. д. (*Толстого «Обращ. къ духов.*, стр. 30)... Толстой упрекаетъ здѣсь Церковь въ распространеніи будто бы «сказокъ» (стр. 30—31), но не замѣчаетъ, что о сказкахъ говорить можно лишь въ приложеніи къ его рѣчамъ—ни мало не обоснованномъ плодѣ его барской фантазіи, фантазіи празднаго человѣка,—а

¹⁾ Трудно себѣ и представить, сколько несуразностей, единственныхъ въ своемъ родѣ и неподражаемыхъ, наговорили въ посвященномъ Толстому „собраніи“ гг. Мережковскій, Михаилъ Семеновъ, а также многіе другие! Академистъ г. К. заявилъ, что „еслибъ православная Церковь нашла возможнымъ совершить погребальный обрядъ надъ Толстымъ, то она должна-бы составить особый чинъ погребенія для сего случая, ибо въ виду великой святости Толстого тотъ чинъ, которымъ вообще погребаютъ православныхъ, не могъ быть совершенъ надъ Толстымъ, настолько къ величайшей святости сего мертвца неприложимы тѣ покаянныя пѣснопѣнія, которые содержатся въ погребальномъ чинѣ“... („Колоколъ“: 1912 г., 10-е февр., № 1753). Просто невѣроятная дичь и безсмыслица! Не могу даже поверить, чтобы все это говорилъ г. К. Посему и не называю его фамиліи полностью... Однако, до чего мы дожили? Дальше идти некуда...

не къ повѣствованіямъ св. Евангелій, не къ ученію Церкви православной, на св. Евангеліяхъ покоящемуся и во всѣхъ своихъ частностяхъ разумно-аргументированному...

Все, что повѣствуется въ Евангеліи святымъ объ «Іоаннѣ Крестителѣ», его «зачатіи, рожденіи»..., атtestуется Толстымъ—какъ «легенды» (*Толст. «Излож. Еванг.»*, стр. 212—213). Тѣмъ болѣе графъ не можетъ примириться съ евангельскимъ разсказомъ о крещеніи Господнемъ,—что «отверзлись небеса», что былъ слышенъ «гласъ съ небесъ глаголющій»... (*Мате. III, 16—17*)... «Что можетъ быть безсмысленнѣе того»,—спрашиваетъ онъ,—«что небо открылось и оттуда послышался голосъ» (*Толст. «Что такое религ.»*, стр. 19)? «Нельзя вѣрить», говоритъ онъ же, «что разверзлись небеса, которыхъ для насть уже нѣть» (*Т. «Обращ. къ духов.»*, стр. 40—41)... Все, что не вмѣщается въ голову недалекаго россійскаго «мудреца-философа», то и является-де «безсмысленнымъ»... Что проповѣдуется новѣйшими, обычно слишкомъ скоро преходящими, теоріями, то-де лишь одно и истинно! «Для насть»,—видите ли,—небесъ «уже нѣть»... Еще бы! Но, во всякомъ случаѣ, преисподняя-то, адъ-то съ Веельзевуломъ еще остались и для Толстого!

Дальнѣйшія события въ жизни Спасителя нашего, въ родѣ искушения Его отъ діавола въ пустынѣ (*Мате. IV, 1—11*), Толстымъ понимаются въ обычномъ для него смыслѣ: «разговоръ съ діаволомъ»—«сказка» (*Т. «Обращ. къ дух.»*, стр. 30). «Писатель», т. е., евангелистъ, здѣсь «заставляетъ говорить Христа съ самимъ собою»,—поучаетъ графъ,—«и опь называетъ одинъ голосъ—голосомъ Іисуса Христа, а другой-то діаволомъ, т. е., обманщикомъ, то искуителемъ»... «Слова, приписываемыя искуителю»,—по Толстому,—«выражаютъ только голосъ плоти»—не больше. «Всѣ искушения суть»-де «самая обычная выраженія внутренней борьбы, повторяющейся въ душѣ каждого человѣка»—и только... (*Толст. «Излож. Еванг.»*, стр. 125—130)... Почему такъ,—а не иначе?—почему ясное повѣствование евангельское объ этомъ событии въ жизни Спасителя должно быть понимаемо въ толстовскомъ смыслѣ, въ противостоящемъ?—остается загадкой. Ясно лишь одно то, что, ставъ на такую «произвольную» точку зрѣнія, можно легко перетолковать всю исторію такъ, какъ хочется кому угодно (пресловутый Шишко у всѣхъ еще «предъ глазами»...),—можно даже и графа Толстого, пожалуй, превратить въ «христіанина»

и чуть ли не въ «послѣдняго», послѣ которого христіанъ уже и не осталось на свѣтѣ (см. мою статью: «Послѣдній христіанинъ»; «Церковн. Вѣстн.», 1911 г., №№ 5—6)... Все можно доказать, кромѣ... одной «правды», но «эти» господа развѣ ею интересуются?..

Уже заранѣе можно ждать, что Толстой станетъ отрицательно относиться къ многочисленнымъ чудесамъ Христовыи, пользуясь своимъ методомъ безусловнаго произвола въ дѣлѣ истолкованія яснѣйшихъ евангельскихъ повѣствованій, передѣлаетъ по своему даже то, искаженіе чего, казалось бы, безусловно невозможно... Все это и видимъ..., къ сожалѣнію, хотя и не къ удивленію...

Толстой увѣряетъ, что и «духовенство» «не вѣрить» въ чудеса» (ср. Т. «Обращ. къ дух.», стр. 43...)... «Человѣкъ», по словамъ графа, якобы «не будетъ въ состояніи» даже и «познать ученіе Христа, если не освободится отъ вѣры въ чудесное, въ сверхъестественное»,—если не станетъ «признавать за ложь все то, что неестественно», что «противорѣчить разуму», что отсюда является лишь «людскимъ обманомъ», каковы-де всѣ чудеса, о коихъ рѣчь—«въ библіи, въ евангeliяхъ, въ буддійскихъ, магометанскихъ, таосійскихъ и другихъ книгахъ»... (Толст. «Хр. уч.», стр. 78—79). Все—въ одну массу: и евангельскія чудеса, и «буддійскія» сказки и т. п. Только интересно было бы знать, о какихъ буддійскихъ чудесахъ графъ говоритъ? Вѣроятно, свѣдѣнія Толстого о буддизмѣ, магометанствѣ, таосизмѣ... слишкомъ «завидны!..»

Чудеса Христовы графъ называетъ «сказкой»—и конецъ! «Сказка»: «превращеніе воды въ вино»,—«сказки»: «хожденія по водѣ», «исцѣленія», «воскрешенія людей» и пр. (Толст. «Обращ. къ духов.», стр. 30—31)...,—всѣ вообще чудесныя явленія Господни (стр. 31)..., какъ нѣчто не-примируемое съ «требованіями разума» (*ibid.*, стр. 31—32), т. е., графскаго, а не человѣческаго вообще... Напр., Господь исцѣлилъ «женщину, восемнадцать лѣтъ имѣвшую духа немощи» («она была скорчена и не могла выпрямиться»)... (Лук. XIII, 11—17). Фактъ исцѣленія былъ на-лицо и произошелъ быстро, мгновенно. Господь «возложилъ руки,—и женщина «тотчасъ выпрямилась»... (ст. 13). «Начальникъ синагоги» выразилъ «негодованіе» на то, «что Иисусъ исцѣлилъ»—*ἐθεράπευσεν* (стр. 14)... А Толстой поясняетъ: «Иисусъ сталъ лѣчить ее» (Т. «Изложен. Евангелия», стр. 7). Аористную форму глагола переводить такъ,

какъ это сдѣлалъ графъ, не станеть, конечно, и гимназистъ, хоть сколько-нибудь изучавшій греческій языкъ (къ сожалѣнію, послѣдній и въ гимназіяхъ подвергнутъ гоненіямъ!). Не говоримъ уже о томъ, что графскій переводъ стоитъ въ противорѣчіи со всѣмъ ходомъ рѣчи евангельской... Но что графу до противорѣчія? Если станемъ «настоящее время» переводить «будущимъ» и наоборотъ,—«совершенный видъ» несовершеннымъ и т. д., смотря по нашему личному желанію, тогда, г. графъ, между оригиналомъ и переводомъ не останется уже рѣшительно ничего общаго, никакихъ точекъ соприкосновенія...

Для спасенія человѣческаго рода Господь пострадаль отъ нечестивыхъ іудеевъ и вкусила крестную смерть.

Толстой никакъ не можетъ уяснить себѣ ни прародительскаго грѣхопаденія, ни его значенія, усвоемаго ему въ христіанствѣ, ни искупительного смысла Христовыхъ страданій и смерти крестной... Все ученіе христіанское представляется графу и страннымъ, и безсмысленнымъ, и даже «безнравственнымъ»...

«Что можетъ быть безнравственнѣе того ужаснаго ученія, по которому Богъ, злой и мстительный, наказываетъ всѣхъ людей за грѣхъ Адама и для спасенія ихъ посыаетъ своего сына на землю, зная впередъ, что люди убьютъ его»... (Толст. «Что такое религія?...», стр. 19)? Не привыкшій отступать даже и предъ богохульствомъ и обычно съ легкимъ сердцемъ издѣвающійся надъ всѣмъ, что выше его пониманія, Толстой, какъ видите, вѣренъ себѣ и здѣсь: и «ужасное ученіе», и сверхъ-безнравственное, и «злой, мстительный Богъ», и пр!... Его не смущали, повидимому, такія обычныя явленія, какъ наслѣдственная—безспорная передача отъ предковъ даже къ отдаленнымъ потомкамъ различнаго рода болѣзненныхъ предрасположеній, даже самыхъ ужасныхъ, заставляющая страдать невинныхъ дѣтей, внуковъ... за грѣхи отцовъ, дѣдовъ и т. д. Онъ не взялъ на себя труда хотя бы немногого вдуматься въ раскрытие христіанскою Церковью догмата объ искупленіи,— подробностей и частностей его... Для него—графа—оказалось достаточно лишь одного: разъ онъ не понялъ, хотя и не употребилъ необходимыхъ для разъясненія дѣла средствъ,—и все прочь, все въ сторону, какъ негодное, безнравственное... Не таковы ли, напротивъ, въ данномъ случаѣ его собственные пріемы?.. «Ни—одинъ свѣжій, взрослый образованный человѣкъ»,—видите ли,—«не только не повѣрить вамъ» (т. е.

духовенству), «но или засмѣется, или примѣтъ васъ за душевно-больного, услышавъ ваши разсказы» о «грѣхѣ Адама и искуплѣніи отъ него людей смертью сына Бога» (*Толст.* «Обращ. къ духов.», стр. 46)... Такъ обычно аргументируетъ графъ: всюду у него лишь «душевно-больные», всюду у него лишь вещи, достойныя одного «смѣха»..., гдѣ только не хватаетъ его пониманія или даже маленькаго хотя бы желанія понять то, о чёмъ онъ пишетъ... Кто вѣрить въ учение о «грѣхопаденіи Адама»..., «для такого человѣка требованія разума уже не обязательны» (стр. 31), какъ и для того, кто вѣрить въ «искупленіе рода человѣческаго кровью Христа» (стр. 32), «въ искупительную для людей жертву его смерти» (стр. 31)... Почему, однако...,—это могъ бы сказать только графъ Толстой, которому съ безконечно большимъ правомъ можно было бы отвѣтить, что совсѣмъ «не обязательны требованія разума» для тѣхъ, кто сколько-нибудь можетъ убѣждаться безтолковыми графскими рѣчами...,—для тѣхъ именно, а не для кого-либо иного. «Искупленіе грѣха Адамова» «кровью» Христовою Толстой ставить на одну линію съ такими бреднями, какъ та, что «Будда улетѣлъ на небо», что «Магометъ леталъ на седьмое небо» и т. д. (*Т. «Христ. уч.»*, стр. 68... Ср. «Обращ. къ духов.», стр. 36 и др.)... Почему...,—однако,—это никому неизвѣстно. Не знаетъ этого, конечно, и самъ Толстой.

Несомнѣнно считая Господа нашего за своего личнаго врага (иначе не понять толстовскаго отношенія къ Спасителю), графъ не можетъ спокойно и сколько-нибудь приличнымъ не христіанину ужъ, а хотя бы культурному вообще человѣку, языкомъ говорить объ Его—Иисуса Христа—страданіяхъ и крестной смерти... «Богъ... наказалъ за» Адамовъ грѣхъ «всѣхъ людей, а потомъ послалъ своего сына... на землю съ тѣмъ, чтобы его тамъ *повѣсили!* Это самое *повѣщеніе* и служить для людей средствомъ избавленія отъ ихъ наказанія за» тотъ «грѣхъ»... (*Толстого: «Неужели это такъ надо?»* Изд. «Своб. Слова», № 45. A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England. 1901. Стр. 25). И языкъ, и догматствованіе—одно другого стоить! «Повѣсили», «повѣщеніе»...—и только! Госполь и явился «на землю» «съ тѣмъ, чтобы Его повѣсили»—и конецъ! Коротко и просто..., но безконечно глупо. Или еще перлы толстовскаго «художественнаго» языка, толстовскаго «глубокаго» богословія: «1800 лѣтъ тому назадъ явился какой-то

нищій и что-то наговорилъ. Его высѣкли и повѣсили»... (*Толст. Изложение Еванг.*, стр. 119). «Какой-то нищій»..., — «что-то наговорилъ», — «высѣкли», «повѣсили»!.. Невозможно и догадаться, что рѣчь идетъ не о другомъ комъ-либо, а о Самомъ безцѣнномъ для насъ Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ!.. Вѣдь и злѣйшій и богохульнѣйшій языкъ, кажется, не могъ бы сказать ничего болѣе циничнаго, болѣе діавольскаго! Про какого-нибудь Будду, про какого-либо Магомета... и самъ яснополянскій хульникъ никогда такъ гнусно не выражался... До чего же онъ опустился? До какой сатанинской злобы дошелъ?.. Безпримѣрныя страданія Господни, Его крестная смерть—все это безконечно трогало даже язычниковъ, привело въ содроганіе даже природу, *даже ее...*—а этотъ «христіанинъ» яко бы Толстой какой-то, какой-то безбожникъ, какой-то, по собственному его сознанію, развратникъ и циникъ... только глумится, глумится хуже Юліана Отступника, старается найти въ своемъ «художественномъ»—извоиць лексиконъ самыя отборно-бранныя слова: «нищій», да еще «какой-то», «что-то» (вѣдь это извѣстно какъ будто-бы всему миру!) «наговорилъ» (какъ первый встрѣчный уличный ораторъ!), «высѣкли»... (Толстого высѣчь, дѣйствительно, стоило бы!), «повѣсили»!.. Какъ еще не отсохла нечестивая толстовская рука, когда рѣшилась вывести на бумагѣ подобныя безпримѣрно-богохульныя ругательства?! Во-истину долготерпѣливъ Господь!

Иисусъ Христосъ умеръ на крестѣ... Съ этимъ все, по Толстому, и окончилось. Ничего дальше и не было. Точка—и конецъ всему (см. *Толст. Излож. Еванг.*, стр. 103.—*Толст. Жизнь и учение Иисуса*. Изд. 2-е «Своб. Слова», № 34. A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England. 1903. Стр. 27). Толстой, судя о другихъ людяхъ по себѣ, убѣжденъ, что и представители христіанской Церкви «не вѣрятъ въ воскресеніе Христово» (*Толст. Обращ. къ духов.*, стр. 43), послѣдовавшее въ 3-й день послѣ крестной смерти Спасителя. Это «воскресеніе» графъ называетъ излюбленнымъ имъ словомъ: «сказка» (стр. 30). Ему такъ хочется, чтобы дѣйствительное и документально засвидѣтельствованное событие всѣ считали сказкой, что ради достиженія цѣли не церемонится и съ очевидцами воскресшаго Господа. «Другіе говорили»,—читаемъ у него,—«что они видѣли самого умершаго учителя» (т. е., воскресшимъ). «Они выдумывали то, чего никогда не было, и лгали»... (*Толстого Возстановленіе ада*—«легенда»;

Спб. 1905 г. «Серія сочиненій, бывшихъ подъ запретомъ въ Россіи»; № 2. Стр. 7). Вы говорите, что видѣли то-то и то-то,—а графъ Толстой, которому это непріятно, голословно заявляетъ вамъ, что «выдумываете», что «лжете»...—и конецъ опроверженіямъ! Не-дурны пріемы! Въ другой разъ Толстой говорилъ: «явленіе Єомъ и десяти человѣкамъ и потомъ пятьстамъ никакъ не могло убѣдить въ этомъ другихъ, тѣхъ, которые не видѣли этого воскресенія». «Ученики только рассказывали про воскресеніе»,—продолжаетъ графъ,—«а рассказывать можно все»... (Толст. «Изложеніе Евангел., стр. 207)... На какомъ основаніи подозрѣвается правдивость учениковъ Христовыхъ, неизвѣстно. Неизвѣстно, почему имъ приписывается способность «разсказывать все», что вздумалось бы, т. е., даже и ложь. Кажется, они ничѣмъ не заслужили такого низкаго о себѣ мнѣнія. Окружавшіе, напротивъ, знали объ ихъ добросовѣстности и правдивости и потому вѣрили ихъ разсказамъ,—убѣждались,—тѣмъ болѣе, что рассказывали не одинъ, не два—три человѣка, а цѣлая масса лицъ, которыхъ, какъ бы на нихъ ни смотрѣть, но могли же всѣ лгать... А чего стоитъ языкъ графа: «Єомъ» (почему бы не прибавить: «Апостолу»?) «и десяти человѣкамъ» («человѣкамъ — и только!...»...—«выдумывали», «лгали»...? И такъ, «воскресеніе» Христово—это нѣчто такое, по графу, «чего понять нельзя». И Толстой не жалѣтъ словъ своего «художественнаго» (!) лексикона, чтобъ, за неимѣніемъ другихъ доказательствъ, хотя бы этимъ оружиемъ отстоять свою фальшивую точку зрѣнія: «чудо воскресенія», по графу, «прямо противно ученію Христа», Который-де «прямо отрицалъ воскресеніе»... (Т. «Излож. Еванг.», стр. 208). Все у Толстого «прямо», да «прямо», а въ итогѣ выходить только и только криво, да лживо: графъ почему-то (приписывая Іисусу Христу то, чего Господь никогда и не говорилъ, т. е., напр., не «отрицалъ воскресенія»...) забываетъ о томъ, что Самъ же Спаситель предсказалъ Свое воскресеніе (какъ-же оно послѣ этого могло быть «противно ученію Христа», да еще «прямо»?..): Мрк. XIV, 58; Іоанн. II, 19; Мате. XXVI, 61,—XXVII, 40; Мрк. XV, 29... Евангельское повѣствованіе «о воскресеніи» Христовомъ,—увѣряетъ Толстой,—есть «легенда»; «воскресеніе — событие, выдуманное» де «безъ всякаго основанія» (Толст. «Излож. Ев.», стр. 209)... «Легенда есть ложь» (стр. 210) (ср. стр. 213)... и т. д. Такихъ голословныхъ заявлений

у графа—сколько угодно, но цѣна ихъ—нуль съ минусомъ—не больше. Чтобы понять смыслъ и значеніе воскресенія Христова, графъ прочиталъ бы хоть 1 Кор. XV... Самому же ему съ его испорченнымъ умомъ, съ его безконечною тенденціозностью..., конечно, не добраться до истины... Горе-богословъ! Горе-экзегетъ безъ знанія даже элементовъ греческаго языка! Но—съ апломбомъ первѣйшаго филолога!.. Отчего-бы, г. К., не придумать для графа и особой ученой степени («doctissimus»...)?

Не понимая смысла «воскресенія» Господня, Толстой естественно (съ его точки зрѣнія) не понялъ и того, что произошло затѣмъ до «вознесенія» Христова,—не уразумѣлъ смысла Господнихъ явленій, наставленій, обѣтованій...,—всего того, что Господь считалъ необходимымъ сдѣлать, чтобы завершить Свою божественную миссію на землѣ... Посему графъ и говоритъ: «воскресить-то... воскресили» «писатели» (своими «выдумками»), «но заставить его что-нибудь сказать и сдѣлать достойное его—не сумѣли» (Т. «Излож. Ев.», стр. 208)... Что Господь послалъ Своихъ учениковъ «проповѣдывать Евангеліе всей твари», присоединивъ слова: «кто будетъ вѣровать и креститься, спасеніе будетъ; а кто не будетъ вѣровать, осужденіе будетъ,—что «увѣровавши» «будутъ изгонять бѣсовъ именемъ» Христовымъ, не потерпятъ вреда ни отъ «змѣй», ни отъ «смертоноснаго» яда, будутъ исцѣлять «недужныхъ»... (Марк. XVI, 15—18) (Мате. XXVIII, 19—20. Лук. XXIV, 47. 49... Иоанн. XXI, 15—23...) и пр. и пр.,—все это въ глазахъ Толстого, очевидно, не имѣть никакого значенія, если этотъ кумиръ безбожниковъ и беспримѣрный циникъ позволяетъ себѣ спрашивать: «для чего же было воскресать, чтобы только сдѣлать и сказать всѣ эти глупости?» и пр. (Т. «Изл. Ев.», стр. 208)... Все,—видите-ли,—у Толстого—«глупости»..., что не подходитъ къ его низменної точкѣ зрѣнія,—что превышаетъ его пониманіе,—все, кроме тѣхъ колоссальнѣйшихъ несуразностей, какія онъ изрекаетъ бездоказательно и голословно на каждомъ рѣшительно шагу... Для христіанъ же дѣло представляется совсѣмъ инымъ: и чрезвычайно важнымъ, и весьма необходимоымъ, такъ-какъ, по ихъ представленію, «Иисусъ Христосъ по воскресеніи Своемъ» «въ теченіе 40 дней» «продолжалъ учить Апостоловъ тайнамъ царствія Божія. Деян. 1, 3» («Катихиз.»—*О пятомъ членѣ*)...

Исполнивъ Свое божественное дѣло на землѣ, Господь нашъ

Иисусъ Христосъ «вознесся на небо и возсѣлъ одесную Бога» (Марк. XVI, 19).

Толстой, отрицающій «воскресеніе» Христово, разумѣется, тѣмъ болѣе неблаговолительно относится и къ факту «вознесенія» Господня. Прежде всего, графъ, при его особой нравственной безтактности, вмѣсто термина: «вознесся» обычно употребляетъ: «улетѣлъ» (см., напр., Т. «Излож. Еванг.», стр. 207...), подобно тому, какъ вмѣсто: «крестится» онъ говоритъ: «выкупается» (*ibid.*) и пр. Затѣмъ о самомъ «вознесеніи» Господа онъ заявляетъ, что «это—выдуманное ненужное чудо» (*ibid.*). Почему «выдуманное»..., когда оно засвидѣтельствовано св. Евангелистами (Марк. XVI, 19; Лук. XXIV, 51. Іоан. I, 9—10, 11)..., это неизвѣстно, конечно... Почему оно—«ненужное» послѣ того, какъ Господь окончилъ на землѣ Свое искуплительное дѣло, ради которого воплотился... и пр. (ср. Ефес. IV, 10),—это опять остается неизвѣстнымъ никому, кроме графа,—да и онъ, разумѣется, здѣсь, какъ въ предыдущемъ и въ другихъ случаяхъ, не отдаетъ себѣ самъ отчета въ своихъ словахъ... и говорить на-вѣтеръ, лишь бы что-либо сказать противъ Господа нашего Иисуса Христа... Ну, развѣ не безумный лай—слова графа: «что можетъ быть безмысленнѣе того, что... Христосъ улетѣлъ на небо»... (Т. «Что такое религія?»... Стр. 19)? Развѣ не единственное въ своемъ родѣ упрямство злого человѣка утверждать, не смотря ни на что, не смотря на факты, ясно и основательно засвидѣтельствованные, что «улетаніе» (!) Господа «на небо»—«сказка» (Толст. «Обращ. къ духамъ.», стр. 30)? И напрасно богохульникъ яснополянскій навязываетъ «духовенству» свое собственное невѣріе, невѣріе нраzdнаго барина, отъ бездѣлья занявшагося чесаніемъ языка,—напрасно утверждаетъ, что будто бы христіанское ученіе о вознесеніи «не имѣть никакого смысла» для представителей Церкви (стр. 40...), которые-де, посему, и не вѣрять будто бы въ него (*ibid.*; см. также стр. 43...). На каждомъ шагу онъ доказывалъ и доказываетъ, что читать въ чужой душѣ—увы!—не въ состояніи. Тоже и здѣсь. Вмѣсто того, онъ лучше бы сдѣлалъ, еслибъ повнимательнѣе читалъ слово Божіе, толковать которое непривѣденный и непривѣденный взялся и которому навязываетъ все, что только вздумается. Вотъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ. «Лука упоминаетъ... о вознесеніи при 500 человѣкахъ» (Толст. «Излож. Еванг.», стр. 206)... Откуда взять этихъ 500 лицъ графъ Толстой? Выдумалъ, конечно,—

какъ поступалъ онъ и въ другихъ случаяхъ. Солгать для него не стоитъ ничего. Вотъ и вѣрьте ему,—его категоричнымъ и безапелляціоннымъ утвержденіемъ... Но «безсмысленіе» ихъ трудно и выдуматъ что-либо, дѣйствительно не считающееся съ «требованіями разума»... Да! Горе съ экзегетами, не умѣющими читать по печатному и выдумывающими щѣлка сотни людей (въ данномъ случаѣ 500)...

А Толстой продолжаетъ свое кликушество неизмѣнно и дальше. «Что можетъ быть безсмысленіе того, что... Христосъ... сидитъ... гдѣ то одесную отца» (*Т. «Что такое религія?..»*, стр. 19)? Что «Христосъ»,—продолжаетъ свои богохульства графъ,—«придетъ оттуда» (съ неба) «судить воскресшихъ,—не имѣть» будто бы для представителей Церкви «никакого смысла»... (*Толст. »Обращ. къ духов.»*, стр. 40)... Разъ Иисусъ Христосъ—Сынъ Божій,—разъ Онъ, выполнивъ Свое искупительное дѣло на землѣ, возвратился на небо, то гдѣ же Ему и пребывать, какъ не вмѣстѣ съ Отцомъ? Если люди всѣ воскреснутъ, то развѣ не естественно говорить о судѣ надъ ними,—развѣ не естественно потребовать отъ нихъ отчета въ ихъ поведеніи,—развѣ не безсмысленно было бы, наоборотъ, предполагать, что, по воскресенію, на одну линію будутъ поставлены и добрые, и злые?.. И кому же ближайшимъ образомъ всего естественнѣе судить ихъ, какъ не пострадавшему за нихъ, какъ не искупившему ихъ Христу?.. Въ концѣ копцовъ «смысла» обычно не оказывается лишь въ словахъ и утвержденіяхъ янополянского циника и богохульника..., но не въ учениіи Евангельскомъ*, не въ учениіи православной Христовой Церкви... Такъ-то!

Хорошъ, однако, членъ Христовой Церкви—Толстой! Хорошъ христіанинъ! И развѣ, уча такъ, онъ давно не вычеркнулъ себя изъ «христіанского» общества самъ? Развѣ еще возможны здѣсь какія-либо солидныя недоумѣнія, возраженія, гг. толстофилы?!

4) Не признающи Личнаго Бога, глумящійся надъ Иисусомъ Христомъ... янополянскій хульникъ называетъ «лжеучителями» представителей Христовой Церкви, учащихъ о З-мъ Лицѣ (отрицаемой Толстымъ Пресвятой Троицей)—Св. Духѣ, обѣ Его «сошествіи на Апостоловъ»... (*«Полн. собр. соч. Толст.»*; изд. Герцика; Спб. 1907 г., т. II, стр. 16.—«Возстан. ада», стр. 7). Говоря, «что на нихъ сошли огненные языки», Апостолы-де «выдумывали то, чего никогда не было,

и лгали»... (*«Возст. ада»*: loco cit.)... Разъ Толстому не нравится ясное учение слова Божия о «сопешествии Св. Духа» (Дьян. Апост., гл. 2), онъ, оставаясь себѣ вѣрнымъ, и спѣшить за помощью къ своему извошчичьему лексикону: «выдумывали»..., «лгали»... Выругался и—конецъ! Какія еще нужны доказательства для опроверженія того, во что миллионы людей вѣрили и вѣрятъ вотъ ужъ девятнадцать вѣковъ? *)

Професоръ А. Бронзовъ.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки